

0-775906

На правах рукописи
Мещерякова

МЕЩЕРЯКОВА ЛАРИСА ЯКОВЛЕВНА

**ЖАНР ЖИТИЯ В ТВЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XVI-XVIII ВЕКОВ**

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Специальность 10.01.01 – русская литература

ТВЕРЬ 2009

Работа выполнена на кафедре
филологических основ издательского дела и документоведения
ГОУ ВПО «Тверской государственный университет»

Научный руководитель:	доктор филологических наук, профессор Светлана Юрьевна Николаева
Официальные оппоненты:	доктор филологических наук, профессор Варвара Викторовна Каширина кандидат филологических наук, доцент Александр Юрьевич Сорочан
Ведущая организация	Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

Защита состоится 5 марта 2009 года в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.263.06 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, 170002, г.Тверь, проспект Чайковского, 70, ауд. 48.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: 170000 г.Тверь, ул. Володарского, 44 а.

Автореферат разослан «3» февраля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.263.06
доктор филологических наук, профессор

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000546196

С.Ю. Николаева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено проблеме эволюции жанра жития в тверской литературе XVI-XVIII веков.

Изучение древнерусской литературы – одна из актуальных областей современной филологической науки. Несмотря на то, что древнерусская культура в целом и книжность в частности уже не одно столетие являются объектом изучения ученых-медиевистов различных направлений (источниковедов, специалистов, занимающихся изучением специфики древнерусской литературы с точки зрения поэтики, культурологов и т.д.), остаются лакуны, которые ждут своего исследователя. Интерес к изучению «местных» литератур прослеживается, пожалуй, на протяжении всей истории развития медиевистики как науки (исследования Н.П. Барсукова, В.О. Ключевского, П.М. Строева).

Тверская средневековая литература привлекала внимание исследователей начиная с последних десятилетий XIX в. Однако можно с уверенностью утверждать, что подлинно научное рассмотрение тверских памятников, в частности агнографических, осуществляется лишь с 1970-х гг., хотя отдельные исследования предпринимались и раньше. Наиболее разработанными направлениями в изучении тверской житийной литературы являются, как и во всей медиевистике в целом, источниковедческое и идеологическое¹. Они представлены трудами О.А. Белобровой, А.П. Богданова, Э.И. Валлич, Г.С. Гадаловой, В.З. Исакова, Б.М. Клосса, Е.Л. Конявской, А.И. Пономарева, С.А. Семячко, В.А. Кучкина и др.).

В связи с этим перспективу в исследовании тверской житийной традиции следует видеть в необходимости дополнить уже существующий опыт текстологов и источниковедов историко-литературными исследованиями, в которых внимание акцентируется именно на специфике художественной природы указанного жанра (с учетом особенностей средневекового типа творчества). Признавая значимость комплексного подхода в изучении древнерусского текста, мы считаем возможным рассмотрение отдельно взятого текста (списка) жития с целью выявления места тверской агнографии XVI-XVIII веков в истории развития как русской литературы в целом, так и отдельных жанровых ассоциаций (в частности, агнографической жанровой ассоциации). Особую значимость в этом отношении приобретает выяснение того, насколько явления, обнаруженные в житийном тексте на разных уровнях его организации, соот-

¹ Терминология, используемая А.С. Деминим. См. об этом: Демин А.С. Из истории древнерусского литературного творчества XI-XVII веков // Герменевтика древнерусской литературы. Вып. 11 / Об-во исследователей Древней Руси; Отв. ред. М.Ю. Люстров. – М.: Языки славянской культуры; Прогресс-традиция, 2004. – 912 с. – С.9.

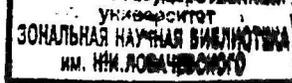
носятся с основными положениями теории литературных формаций². В процессе анализа текстового материала мы считаем возможным совмещение подходов к агиографическому тексту, принятых в «западной»³ и «восточной»⁴ традициях. Для «западной» научной традиции ведущим является принцип *imitatio* (имитации), а точкой фиксации канона – «топос», для «восточной» – наиболее адекватное изображение «образа» (святого) согласно «агиографическому» канону в соответствии с традицией памятников типикарного и нетипикарного круга. Агиография типологизировалась с учетом сферы ее функционирования: 1) синаксарное, или проложное, житие, являясь составной частью канона святому, относится к панегирическому разделу чтений; 2) минейное, патериковое, ле-

² См. об этом: Ужанков А.Н. Стадиальное развитие русской литературы XI-первой трети XVIII в. Теория литературных формаций // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2007. - №2 (28). – С.66-80.

«Теория литературных формаций» – одна из базовых категорий современной медиевистики. Она учитывает тот факт, что при построении модели развития литературы и разработке ее периодизации нельзя ограничиваться лишь «историческим подходом», поскольку в этом случае практически невозможно объяснить чисто литературные явления. Свою цель авторы «теории» видят в выработке единого литературоведческого критерия, позволяющего научно объяснить эволюцию русской средневековой литературы от момента освоения письменности до переходного периода, а также органично вписать средневековую эпоху в контекст развития литературы от эпохи Нового времени до современного состояния. Согласно теории литературных формаций в истории русского средневекового мировоззрения отчетливо выделяются три этапа развития сознания: теоцентрический, антропоцентрический, эгоцентрический. Мировосприятие моделирует творческое сознание древнерусского писателя. При этом под литературной формацией понимается определенная художественная система, сложившаяся в рамках господствующего в определенный исторический период сознания, – теоцентрического (с XI-конец XV в.), антропоцентрического (с конца XV в. – 40-е годы XVII в.) и эгоцентрического (40-е годы XVII в. – 30-е годы XVIII в.).

³ В рамках данного подхода работают в основном зарубежные медиевисты. К числу российских исследований этого типа мы можем отнести работы Т.Р. Руди (Руди Т.Р. «*Imitatio angeli*» (проблемы типологии агиографической топики) // Русская литература. – 2003. - №2. – С.48-59; Руди Т.Р. «Яко столп непоколебим» (об одном агиографическом топосе) // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 2003. Т.55. – С. 211-227; Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 2005. – Т.57. – С. 431-500; Руди Т.Р. Праведные жены в Древней Руси (к вопросу о типологии святости) // Русская литература. – 2003. – №3. – С.84-98; Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: исследования, публикации, полемика / Сборник научных работ ин-та русской литературы (Пушкинский Дом). РАН. – СПб.: Из-во «Дмитрий Буланин», 2005. – С.59).

⁴ Из зарубежных исследователей следует назвать Р. Пиккио и Л.В. Левшун (Пиккио Р. Древнерусская литература. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 352 с.; Левшун Л.В. О слове Преображенном и слове Преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI – XVII веков. – Минск, 2007. – 880 с.). В отечественной медиевистике можно выделить работы А.С. Демина, Л.А. Дмитриева, И.П. Еремина, Е.Казанский, Э.Д.Борисович, др.

тописное жития были призваны описывать «подвиг» святого и относятся к дидактико-агиографической группе повествований.

В нашем исследовании мы учитывали важность категории житийного топоса, однако при рассмотрении эволюции того или иного памятника или жанровой ассоциации в целом исходили из того, что изучение агиографии в аспекте ее ориентации на способы и сферу бытования (и выявление степени соответствия «канону» или отхода от него) дает более широкие возможности для анализа текста, поскольку затрагивает его ключевые категории (к ним можно относить методы творчества писателя и характер его мировоззрения, понятия «автор» и «читатель», способы организации текста).

Таким образом, актуальность исследования обусловлена тем, что тексты тверской житийной литературы недостаточно изучены с литературоведческой точки зрения (с учетом указанных нами новых подходов к анализу текста) на фоне возрастающего читательского интереса к ним.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования было выявление значения и места тверской агиографии XVI-XVIII веков в процессе развития русской литературы в целом и отдельных жанровых ассоциаций (агиографической жанровой ассоциации), в том числе через выявление специфических черт реализации житийного канона в тверских агиографических памятниках XVI-XVIII вв.

В соответствии с указанной целью в работе решались следующие задачи:

- 1) проследить наиболее значимые тенденции формирования и эволюции житийного канона в истории древнерусской книжности с учетом теории литературных формаций на материале тверской агиографии XVI-XVIII веков;
- 2) проанализировать типологию основных модификаций канона построения житий в рамках текстов тверской агиографии XVI-XVIII веков;
- 3) рассмотреть реализацию модификаций древнерусского житийного канона в памятниках тверской агиографической литературы XVI-XVIII веков;
- 4) выявить типологию поэтологических приемов, посредством которых был реализован житийный канон в тверской агиографии XVI-XVIII веков;
- 5) проследить парадигму «автор» – «читатель» в пространстве житийного текста в тверской литературе XVI-XVIII вв.

В соответствии с указанными задачами предметом исследования явились особенности воплощения житийного канона при создании образа святого в произведениях тверской агиографии XVI-XVIII вв., а объектом – образы тверских святых в житийных памятниках тверской книжности.

В качестве материала исследования нами были привлечены тексты житий преподобного Макария Калязинского (по рукописи Троицкого спи-

ска 1584 г.), святителя Арсения Тверского (по списку конца XVI в.), преподобного Ефрема Новоторжского (по списку XVII в.), преподобного Нила Столобенского (по списку XVIII в.), святой благоверной княгини Анны Кашинской (по списку XVIII в.). Отдельное внимание уделено житию епископа Арсения Тверского, созданному архимандритом Макарием, ректором Тверской духовной семинарии (1764 г.).

Теоретико-методологическую базу диссертации составили труды отечественных и зарубежных ученых по медиевистике, теории и истории литературы. В их числе работы Д.С. Демина, И.П. Еремина, Е.Л. Конявской, В.В. Кускова, Л.В. Левшун, Д.С. Лихачева, Р. Пиккино, Т.Р. Руди, С.А. Семячко, А.Н. Ужанкова и других исследователей.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые представлен литературоведческий анализ памятников тверской агиографии XVI-XVIII веков в контексте истории русской агиографической традиции.

Теоретическая значимость работы обусловлена вкладом в изучение истории тверской средневековой книжности в аспекте ее соотносительности с основными тенденциями развития древнерусской литературы в целом.

Практическое значение диссертационного исследования заключается в возможности использования его результатов в общих и специальных курсах по истории древнерусской литературы и истории литературы Древней Твери (в том числе на фоне возрастающего интереса к такой образовательной области, как духовно-нравственные основы культуры).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1) В тверской житийной литературе XVI-XVIII веков отражена ориентированность «автора» жития на определенную читательскую аудиторию. Это заставляет его использовать как можно большее число традиционных топов, для того чтобы создать текст, «адекватный» житийному канону на всех уровнях своей организации (сюжет, принципы типизации, смысловая наполненность текста и т.д.).

2) Рассмотренные нами жития имеют многоуровневую структуру, то есть в пределах одного конкретного произведения используются различные творческие методы: типологическая экзегеза, аллегорическая амплификация, обратная типология.

3) В рамках существования тверской житийной литературы нет строгой линейной тенденции в истории развития жанра. В рамках одного и того же текста могут сосуществовать черты разных литературных формаций.

4) Применительно к тверской житийной литературе XVI-XVIII веков мы можем говорить не столько об эволюции жанра, сколько о модификации канона изображения святого.

5) Древнерусский житийный канон в памятниках тверской агиографической литературы XVI-XVIII веков модифицировался посредством сочетания различных принципов изображения (соединение паремийной и четьи-минейной традиции; синтез принципа синаксаря и приемов экзегезиса

с сюжетом биоса; симфония жития-биоса и традиции патерикового рассказа).

б) Ведущим элементом текста, посредством которого может быть реализован житийный канон в тверской агиографии XVI-XVIII веков, является топос. Однако принципы его использования и, как результат, смысловая наполненность текста жития напрямую зависит от характера мировоззрения «автора» и специфики рецептивных способностей «читателя».

Апробация научных результатов исследования. Основные аспекты и результаты исследования были представлены в докладах на международных научно-практических конференциях «Детская литература и воспитание» (Тверь 2004, 2005, 2006); IX Герменевтической конференции «Понимание и рефлексия в образовании, коммуникации и культуре» (Тверь, 2007); VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Чтения имени профессора Сергея Александровича Леонова» (Москва, 2007); в рамках преподавания курса «Древнерусская литература» на педагогическом факультете Тверского государственного университета (специализация «Основы православной культуры») (2005-2008 гг.) и в Тверском областном институте усовершенствования учителей (2007-2008 гг.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав (каждая из них содержит по три параграфа), заключения и списка литературы, включающего 200 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы, выясняется степень ее изученности, определяются цель и задачи исследования, характеризуются методологические принципы и раскрывается сущность базовых категорий (теория литературных формаций, методы средневекового творчества, «канон», «жанр», «агиографический канон», «топос», типология житийных повествований – «западная» и «восточная» традиции), которые легли в основу анализа житий.

Первая глава работы – «Специфика реализации агиографического канона в памятниках тверской житийной литературы XVI-XVII вв.» – посвящена рассмотрению трех памятников тверской агиографии – житий Макария Калязинского (по рукописи Троицкого списка 1584 г.), святителя Арсения Тверского (по списку конца XVI в.) и преподобного Ефрема Новоторжского (по списку XVII в.).

В первом параграфе *«Соединение паремийной и четьи-минеиной традиции в Житии Макария Калязинского (по рукописи Троицкого списка 1584 г.)»* дается краткая характеристика агиографического памятника, упоминаются наиболее значимые исследования, ему посвященные, рассматривается проблема авторства. Основной материал параграфа составляет литературоведческий анализ текста, который позволяет сделать вы-

воды о его «художественных» (применительно к средневековым методам творчества) особенностях.

В соответствии с традицией Житие Макария Калязинского начинается вступлением, в котором, однако, нет столь привычного для агиографического жанра (житие-биос) самоуничижительного топоса. Вполне отчетливо звучит индивидуальный авторский голос (автор размышляет над тем, сколь полезно для души созерцание подвигов праведника; при бытком и веселием для души он называет ситуацию, в которой человек приносит похвалу святому, потому что это весьма полезно). Наличие похвалы – это один из способов демонстрации духовного восхождения. В похвале человек созерцает святого словно предстоящим перед Богом. Похвала, по сути, есть словесная икона святого: «Ибо похвала святого подлинно до самого Бога восходит и возносится с благолепием не потому, что они таковой требуют, но потому, что Бог так хочет прославить угодников Своих»⁵. На примере Жития Макария Калязинского рассматривается вопрос о том, как именно агиограф ставит перед собой и перед читателями совершенно определенную творческую и духовную задачу – изобразить и увидеть «портрет» святого, а также о том, что он как писатель делает для того, чтобы созданный им образ с наибольшей степенью адекватности отражал Первообраз. Свою творческую задачу он подтверждает словами из Евангелия: «Прославляющего меня прославлю и всякого, кто исповедует Меня перед людьми, исповедую его и Я перед Отцом Моим Небесным»⁶. Проведенный анализ убеждает в том, что автор житийного текста представляет себе читательскую аудиторию как людей, знающих Священное Писание. Пространная уничижительная формула следует лишь после того, как определена духовная задача. В финале топоса самоуничижения агиограф, повинувшись логике теоцентричного мировоззрения, сообщает о том, что он возлагает надежду на Бога и преподобного отца и игумена Макария, а не надеется на собственные силы.

В Житии Макария обнаруживаются ключевые топосы, свойственные житиям преподобных: «рождение от благочестивых родителей»; «чудеса, которые случаются сразу после рождения будущего святого» (он не сосет молока в среду и пятницу); «прилежание в Божественном учении и нежелание играть с другими детьми». Интересно, что агиограф стремится сохранить именно те ключевые топосы, которые с наибольшей степенью могут показать силу духа святого и одновременно не отвлекают читателя от сути (как, например, отсутствующий здесь топос принуждения ко вступлению в брак).

⁵ Здесь и далее текст цитируется по изданию: Житие Макария Калязинского: Рукописный список Российской государственной библиотеки. – Москва. Типография «Новости». – 2008. – 88 с.

⁶ Мф. 10, 32; Мк. 8, 38.

В ходе анализа такого фрагмента произведения, как описание жизни святого в монастыре, были выявлены все соответствующие топосы и сделан вывод о том, что автор отбирает лишь главные черты своего персонажа, топосы как бы нанизываются один на другой, составляя единую мозаику, из которой складывается целостный образ. Совершенно понятно, что автор сознательно не хочет расширять описание, поскольку его задача выделить ключевые, наиболее значимые черты. Все избыточные «подробности» (например, мотив «испытания веры игуменом» перед пострижением будущего инока) остаются при этом «за кадром».

Особое внимание уделяется тому, как агиограф воспринимает святого Макария: тот «как перед лицом Бога предстоял». Очевидно, что это не просто традиционная формула, как может показаться на первый взгляд. Это принцип изображения, свойственный синаксарному типу житий. Это реальность, в которую верит сам автор и к видению которой он призывает своего читателя. Перед лицом Бога – не когда-то в будущем, в неопределенности, а в вечности, реальность которой ни сам автор, ни читатель не подвергают сомнению. Агиограф актуализирует свою главную задачу – создать такой «образ» святого, который был бы свободен от всего несущественного, незначительного. Свой писательский долг он видит в том, чтобы обозначить те свойства и качества, которые имеют вневременную ценность, которые помогают приблизиться к Богу ради спасения бессмертной души. На примере жития Макария Калязинского мы убедились в том, что топосы, с одной стороны, поддерживают центральную сюжетную линию, а с другой – являются ключами к пониманию сути, позволяют читателю ориентироваться в тексте, направляя его внимание на определенные моменты повествования. Дидактический момент в данном случае играет не последнюю роль, поскольку для читательской аудитории важно видеть и воспроизводить образец совершенно определенного типа. Агиограф мыслит не индивидуальными, а соборными категориями, упоая не на свой талант, а на Божественную благодать как первооснову всякого творчества. Он творит в пространстве теоцентрического сознания, ориентируясь на довольно разнообразную читательскую аудиторию, в числе которой он предполагает видеть и монашескую братию. Образ, созданный автором, лаконичен, но обладает большой силой воздействия на читателя. Перед нами действительно предстает «земной ангел и небесный человек». Житийные топосы являются в данном случае не просто данью традиции, а структурным элементом, который задает общее направление в процессе читательского восприятия жития.

Во втором параграфе первой главы *«Синтез принципа синаксаря и приемов экзегезиса с сюжетом биоса в Житии святителя Арсения Тверского (по списку конца XVI в.)»* рассматривается художественно-мировоззренческая природа агиографического произведения, посвященного святителю Арсению Тверскому.

Житие святителя Арсения открывается вступлением, в котором содержится развернутая похвала. Наличие развернутой похвалы святому в рамках житийного текста свидетельствует о том, что житие-*биос* (которое является агиобиографией святого) приобретает черты панегирической биографии (биос «нового агиографического стиля» («плетение словес»))⁷. На примере жития святителя Арсения Тверского нами замечено, что в рамках канонического творчества происходит смена приоритетов, смена предметов литературного осмысления. Изначально агиографический жанр был призван пробуждать эмоции и вызывать определенные чувства (в соответствии с христианской системой ценностей) у читателя, который становился объектом духовного воздействия автора. В культуре этикетного творчества внимание «автора», а соответственно и «читателя» обращено теперь к иной стороне – восхвалению предмета, достойного восхваления⁸, то есть к подробной мотивировке самого выбора этого предмета, что и обусловило усиление элементов экзегезиса в житийном тексте в сочетании с принципами синаксаря. Именно поэтому в рассматриваемом тексте, как отмечалось исследователями⁹, преобладает экспрессивно-эмоциональный стиль, позволяющий автору более подробно и детально выразить свою позицию.

В результате изучения текста Жития Арсения нами обнаружены два типа топосов – топосы, свойственные житиям преподобных основателей монастырей, и топосы, характерные для житий святителей. Примечательно, что агиограф актуализирует именно второй тип топосов, поскольку считает описание святительского подвига более значимой составляющей в образе Арсения.

Обнаруженные и описанные в данном параграфе диссертации явления, однако, не позволяют говорить об эволюции жанра. Здесь отстаивается тезис о том, что Житие Арсения Тверского является примером реализации канона в тверской житийной литературе. Ориентированность «автора» на определенную читательскую аудиторию (в данном случае это прежде всего монастырская братия) заставляет его использовать как можно большее число традиционных топосов, для того чтобы создать текст, «адекватный» житийному канону на всех уровнях своей организации (сюжет, принципы типизации, смысловая наполненность текста и т.д.). В то же время в указанном тексте мы выявили черты веяния времени (элементы экспрессивно-эмоционального стиля), которые свидетель-

⁷ См. об этом: *Левшин Л.В.* Категория метода в восточнославянском литературном творчестве XI-XVII веков // Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология. – Минск, 2007. – 46 с. – С.30.

⁸ Там же.

⁹ На это указывает, например, Е.Л. Конявская в работе *Очерки по истории тверской литературы XIV-XV в.* / Е.Л. Конявская. – М.: «Свой круг», 2007. – 400 с.

ствуют о многоуровневой структуре текста, о существовании в пределах одного конкретного текста фактов использования различных творческих методов.

Третий параграф главы «*Отражение агиобиографической традиции (житие-биос и традиции патерикового рассказа) в рамках Жития преподобного Ефрема Новоторжского (по списку XVII в.)*» посвящен одному из самых неоднозначных с точки зрения отражения канона текстов тверской литературы, что связано, очевидно, с личностью самого Ефрема – одного из самых загадочных русских святых¹⁰. Текст жития неоднороден по своему составу и характеру. Необходимые и достоверные сведения о жизни святого по большей части отсутствуют, и это заставляет неизвестного автора житийного повествования восполнять возникающие пробелы как за счет следования канону жития (образ «по прорези»), так и за счет использования разнообразного материала летописного и устно-поэтического характера.

В процессе анализа жития актуальными оказались два вопроса. Во-первых, какие из житийных топосов нашли свое отражение в Житии Ефрема Новоторжского? Во-вторых, можно ли считать их присутствие в тексте подтверждением того, что в памятнике довольно позднего периода сохраняются традиции канона?

В параграфе дается характеристика топики изучаемого памятника, подчеркивается, что житийный текст начинается с традиционной «самоуничительной формулы» агиографа, которая представляется здесь довольно обширной, эмоционально насыщенной и призванной выполнить функцию своеобразного «водораздела» между миром земным и миром «горним», поскольку святой – это «земной ангел и небесный человек» (этот топос восходит к житию св. Саввы¹¹, а на русской почве – к Житию Бориса и Глеба). «Самоуничительная формула» признается первой точкой фиксации житийного канона в указанном тексте. Однако делается оговорка: если когда-то, в эпоху господства теоцентризма, она, безусловно, словесно выражала особый тип мировоззрения, в основании которого лежит идея понимания словесного творчества как акта сотворчества с Богом, то в XVII веке (применительно к данному списку памятника) функционирование самоуничительного начала в житийном тексте приобретает скорее «орнаментальный», эстетический харак-

¹⁰ См. об этом: Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1871; Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. – СПб., 1882; Будовиц И.У. Повесть о разорении Торжка в 1315 г. / Труды отдела древнерусской литературы, Т.ХVI. – Л., 1960; Кузнецов В.В. Житие Ефрема Новоторжского как часть народнопоэтической традиции Торжка // Из истории и теории культуры: Труды Филиала ГАСК в г. Твери. – Вып. II. – Тверь: Славянский мир, 2004. – 124 с.

¹¹ *Очерки по истории русской святости* / Составил иеромонах Иоанн (Кологривов), Брюссель: Издательство «Жизнь с Богом», 1961. – 415 с. – С.33.

тер. Вместе с тем смысловая наполненность данного отрывка свидетельствует о том, что он по-прежнему был призван выводить человека на иной уровень бытия, открывать перед ним иную реальность.

В работе показано, что ключевой составляющей в создании образа преподобного Ефрема является, естественно, основание им монастыря в честь великих князей Бориса и Глеба (отсюда и обращение автора к формуле «земной ангел и небесный человек»). Данный сюжет хоть и краток по своему объему, однако исполнен агиографом в соответствии с житийным канонам. В нем нашли свое отражение сразу несколько традиционных топосов, свойственных житиям преподобных. В их числе следующие: 1) «глас, указавший Ефрему место, куда он должен вселиться»; 2) «собрание братии и монастырское строительство», 3) «отеческая любовь игумена к братии». Фактически этим и заканчивается хронологическая последовательность в изложении событий жизни преподобного Ефрема, поскольку дальше в тексте приводятся несколько вставных сюжетов, связанных с фигурой преподобного опосредованно (история разорения князем Михаилом Ярославичем Тверским в 1316 году Торжка; сюжет о некоем архимандрите, который решил собрать все сведения о святом и вновь написать его житие). Думается, что делать столь подробные «отступления» заставляет стремление автора объяснить объективными обстоятельствами отсутствие традиционно необходимого топоса «игумен постригает будущего святого, облакает его «во святой аггельский образ»».

В ходе исследования обнаруживается, что образ святого, пожалуй, впервые теряет свойственную ему «прорезность» и «трафаретность» и обретает вполне реальные, земные черты, когда речь идет об описании обретения Ефремом главы своего брата Георгия. Всю свою жизнь Ефрем хранит в тайне историю, связанную с главой брата, и лишь перед смертью, предчувствуя свою кончину, повелевает положить ее в свой гроб, «она же благодатию Божию и до сего дня нетленна, с пречестными и святыми мощами его». Обязательным элементом в структуре жития преподобного является наличие прижизненных и/или посмертных чудес, связанных со святым. Рассмотрев все представленные в житии сюжеты чудес, мы выделили центральное для образа преподобного Ефрема свойство: дар исцеления от различного рода физических недугов (имеющих в своей основе явное или скрытое повреждение духовной природы человека). Именно эту смысловую нагрузку несут практически все сюжеты.

На основе анализа жития Ефрема Новоторжского делаются следующие выводы: 1) несмотря на достаточно позднее происхождение текста (XVII век), а следовательно, и общее стремление всех литературных жанров к обмирщению, указанная тенденция в отношении конкретного житийного текста не является доминирующей; 2) одним из условий соблюдения традиции в тексте (и в результате – создания образа, который

с наименьшей степенью искажает Первообраз) является сознательное и активное стремление автора к реализации логически выстроенной схемы канона путем включения в текст традиционных топосов, свойственных житию соответствующего типа; 3) два фактора влияют на то, какой текст будет создан в конечном итоге: индивидуальное мировоззрение автора, который ощущает себя частью единого целого («соборно»), и читательская аудитория, на которую этот автор ориентируется. В случае с Житием Ефрема Новоторжского два эти условия реализуются в полной мере. Индивидуальный авторский голос звучит во вступлении к житию и немногочисленных авторских отступлениях и настраивает читателя на определенный лад, подталкивает его к той или иной идее. Однако он не отвлекает внимания от главного. Отсутствие логически выстроенной структуры повествования является свидетельством того, что у текста нет единого автора, а находящийся в распоряжении агиографа материал далеко не полон. Именно этими обстоятельствами и объясняется подмеченная исследователями «неоднородность» текста.

Во второй главе работы «Бытование агиографического канона в тверской агиографии в эпоху Нового времени» рассматривается специфика реализации агиографического канона в поздних памятниках тверской агиографии – Житии Нила Столобенского (по списку XVIII в.), Житии Анны Кашинской (по списку XVIII в.), Житии епископа Арсения, созданного архимандритом Макарием (1764 год).

Первый параграф главы «Житие Нила Столобенского (по списку XVIII в.): между каноничностью и новаторством» посвящен проблеме существования житийного текста в эпоху Нового времени. Указанный текст интересен и тем, что имеет автора, которым, по предположениям исследователей, является настоятель Ниловой пустыни Нектарий Теляшин¹². Это позволило сделать некоторые предположения о соотношении «соборного» и «индивидуального» авторского сознания. В реферируемом параграфе говорится о том, что в житии Нила игумен Нектарий Теляшин стремится к тому, чтобы использовать как можно большее количество житийных топосов, свойственных житиям преподобных, которые являются и инструментом «складывания» и развития сюжета, и ключом в создании образа святого. Поэтому даже поздние по времени своего создания житийные тексты (XVIII века) дают нам примеры сохранения «канона» в структуре жития. Проведенный анализ свидетельствует, что в отношении данного жития своеобразными точками фиксации канона служат житийные топосы, благодаря которым агиограф, словно по «прорези», организует текст на всех уровнях (от сюжетного до смыслового). На характер текста оказывают влияние не только общие тенденции в ли-

¹² Исаков В.З. Рукописные сборники Жития Нила Столобенского // *Житие Нила Столобенского: рукописный список Государственного архива Тверской области*. – Тверь, 2004. – 168 с. – С. 8.

тературе, но и характер мировоззрения «автора» и «адресата». Именно «адресат» является той точкой отсчета, ориентируясь на которую агиограф и создает в конечном итоге текст. На примере Жития Нила Столобенского было показано, что столь четкое следование традиции житийного текста воспроизвести образ святого в полном соответствии с традицией для соответствующей аудитории читателей. Поэтому развитие литературы на всех уровнях ее организации (жанровые ассоциации и отдельные жанры) не имеет четкой линейности. Однако следы эпохи были обнаружены нами даже в традиционном тексте, что является свидетельством влияния преобладающих в ту или иную эпоху тенденций (упоминание реалий эпохи, активное проявление авторского начала в отступлениях экзегетического, дидактического характера и в стилистике экспрессивно-эмоционального стиля, факты литературной обработки текста и т.д.).

Второй параграф *«Черты литературы Нового времени в житии Анны Кашинской (по списку XVIII в.)»* рассматривает житие преподобной Анны Кашинской в контексте традиции.

Сюжетно и стилистически житие можно разделить на две части, которые соответствуют двум «эпохам» в жизни преподобной – жизнь до ухода в монастырь и после него. Если в первой части автор текста стремится к тому, чтобы показать образ святой в логике реализации схемы женского жития (описание нрава, мотив обучения грамоте и Священному Писанию, мотив «внутреннего разума»), то вторая часть житийного повествования демонстрирует совсем иной образ, который соединяет в себе черты преподобнического и иногда даже святительского жития («земной ангел и небесный человек», «дар проповедничества»). В уста главной героини автор вкладывает свои идеи, мысли и чаяния, связанные с пониманием и толкованием тех или иных мест Священного Писания. Преподобная Анна постоянно отсылает читателя к тому или иному месту из Писания, объясняя и толкуя Его, а чаще всего приводя цитату из текста для подтверждения справедливости того или иного высказывания или поступка. Очевидно, что для самого автора является актуальным не столько «адекватное» изображение образа святой (а оно отсутствует именно в силу огромного количества «отвлекающих деталей»), сколько своеобразное углубление в дидактику (причем довольно примитивного свойства, поскольку дидактизм в повествовании проявлен напрямую, а не опосредованно). Мы обнаружили в тексте обширные диалогические фрагменты (особенно в той части, где автор реконструирует диалог между Анной и Михаилом), что свидетельствует о перестройке сознания автора и читателя, поскольку наличие «вымысла» вполне принимается как возможный и необходимый элемент текста.

Поскольку в житии Анны Кашинской, по замыслу автора, реализуется не только схема женского жития, но и схема монашеского жития

(преподобнического типа), образ главной героини должен содержать лишь детали, которые призваны выразить наиболее важные в духовном смысле черты преподобной. Однако путем поэтапного анализа текста мы убедились в том, что автор постоянно отвлекает внимание читателя, насыщая текст пространными отступлениями дидактического характера.

В рассмотренном нами житийном тексте отражено не соборное сознание эпохи теоцентризма (хотя на формальном уровне оно и может быть выражено «по силе принесли тебе»), и даже не сознание эпохи христианского антропоцентризма, когда процесс творчества мыслится автором как процесс сотворчества человека и Бога (хотя на уровне слова мы это видим – «и от Его блистающего красотой Божества и славы Его все это *приносим*»; «по силе *принесли тебе, сколько дано благодати Святого Духа*»). Налицо индивидуальное авторское сознание, согласно которому агиограф *сам* выбирает стиль повествования и *сам* его определяет, ведет диалог с читателем и героями. Неслучайно он сравнивает созданное им с лептой вдовицы из известной притчи, не без гордости надеясь, что его дар будет так же оценен Богом. В то же время даже формальное наличие топосных элементов свидетельствует о многоуровневой природе текста, о возможности как последовательной смены знаковых элементов житийного текста разных эпох, так и о сосуществовании в пределах одного и того же текста элементов разных эпох, а в конечном итоге об отсутствии строгой линейности в развитии литературы.

Третий параграф второй главы «*Преломление традиций агиографического канона в литературе XVIII века (на материале жития епископа Арсения, созданного архимандритом Макарием)*» посвящен анализу своеобразия преломления житийных традиций в авторском тексте XVIII века.

На примере Жития епископа Арсения, созданного архимандритом Макарием, в работе рассматривается, как автор, вполне следуя логике развития житийного сюжета, «расширяет» именно те топосы, которые представляются ему наиболее актуальными в процессе демонстрации духовного восхождения человека к Богу. Макарий подробно разрабатывает топос «уединения будущего святого» еще в детском возрасте, эмоционально насыщает текст за счет включения в него диалога между Арсением и его друзьями, которые пытаются привлечь его к земной, житейской стороне жизни. В этом смысле повествование близко к принципам изображения в патериковых рассказах, поскольку показывает возможность духовного восхождения для любого христианина, на каком бы этапе он ни находился.

Характеристика произведения, созданного архимандритом Макарием, завершается выводами о том, каким образом агиографическая традиция была поддержана в авторском тексте XVIII века и в чем проявилась специфика времени.

Относительно аксиологической системы; в которой творит Макарий, в диссертации выражена мысль о том, что автор следует логике типологи-

ческой экзегезы. Однако наличие большого количества деталей, обращающих внимание читателя к мирской стороне бытия, не позволяет говорить о том, что типологическая экзегеза является единственным и ведущим принципом творчества художника. Чувствуя общую тенденцию «обмирщения» сознания читателя, архимандрит Макарий подробнее всего описывает моменты, связанные с передачей эмоционального состояния героев. Многочисленные диалоги, которые автор включает в текст на протяжении всего повествования, призваны показать историю души героя, его внутреннюю борьбу со страстями. В то же время благодаря пристальному вниманию к эмоциональной сфере Макарию удастся более наглядно представить внутреннюю жизнь героя как поэтапное восхождение по духовной лестнице, которой нет предела. Для читателя XVIII века жизнь души по большей части связана с эмоцией (как положительной, так и отрицательной). Именно оттолкнувшись от эмоционального, чувственного уровня, он способен воспринимать более тонкие смыслы, которые лежат уже вне эмоции. Характер изображения предмета (положение его в ценностной иерархии) позволяет автору использовать многообразные средства выразительности, доступные пониманию читателя, чтобы воспитывать в нем благоговеющие чувства (в этом и состоит цель написания жития).

В Заключении подводятся итоги исследования.

В данной работе было рассмотрено шесть житий тверских святых XVI-XVIII вв. При их анализе мы опирались на теорию литературных формаций и учитывали, что канон не является простым набором литературных средств и приемов, но имеет более глубокое, сущностное содержание. Именно канон позволяет быть произведению литературы таким, чтобы реальность (в церковной культуре это реальность Божия) изображалась в нем в доступных читателю формах. Всякий созданный образ должен был отсылать к архетипу, который и является неизменным, но специфика восприятия читателя могла меняться (в связи с изменениями философско-религиозной системы в целом). От читательской аудитории, функционального назначения (использования текста в ходе церковной службы или вне ее) и положения предмета изображения в системе ценностной иерархии зависел выбор конкретного жанра произведения (проложное житие, житие-биос, патериковый рассказ и т.д.) и синтез различных жанровых модификаций жития в рамках одного произведения.

В тверской житийной литературе XVI-XVII веков отражена ориентированность создателя жития на определенную читательскую аудиторию (образованное монашество). Рассмотренные в диссертации тексты житий Макария Калязинского, Арсения Тверского, Ефрема Новоторжского имеют многоуровневую структуру, то есть в пределах одного конкретного текста могут сочетаться типологическая экзегеза, аллегорическая амплификация, обратная типология и др.

Итоги изучения житий XVIII в. (Нила Столобенского, Анны Кашинской, епископа Арсения) позволяют утверждать, что поздние по времени своего создания агиографические тексты свидетельствуют о сохранении канона в структуре жития и вместе с тем о его взаимодействии с литературными вкусами и эстетическими тенденциями Нового времени. Характер произведения определяется влиянием общих закономерностей историко-литературного процесса, а также характером мировоззрения автора и читателя. Именно читатель (в данном случае достаточно широкая читательская аудитория) является той точкой отсчета, ориентируясь на которую агиограф и создает в конечном итоге житие.

В рамках тверской агиографии XVI-XVIII вв. не обнаруживается строго линейной тенденции в развитии жанра. В пределах текста одного произведения могут совмещаться черты разных литературных формаций, в одну и ту же эпоху могут сосуществовать житийные памятники различных жанровых модификаций.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

1. Мещерякова Л.Я. Интерпретационные методы работы с текстами княжеских житий в детской аудитории // Детская литература и воспитание: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции «Детская литература и воспитание». Тверь, 28-29 мая 2004 г. – Тверь: ТвГУ, 2004. – С. 190-194.
2. Мещерякова Л.Я. Специфика адаптированных текстов житий святых // Родная словесность в школе и вузе: Межвузовский сборник научных трудов. – Тверь: ТвГУ, 2004. – С.77-80.
3. Мещерякова Л.Я. Изучение житийных текстов в начальной школе // Традиции и новации в профессиональной подготовке будущего педагога: Материалы научно-практической конференции студентов и преподавателей педагогического факультета по итогам научно-исследовательской работы за 2003 г. – Тверь: ТвГУ, 2004. – С.231-234.
4. Мещерякова Л.Я. Некоторые аспекты изучения житийных текстов на уроках чтения в начальной школе // Традиции и новации в профессиональной подготовке будущего педагога: Материалы научно-практической конференции студентов и преподавателей педагогического факультета по итогам научно-исследовательской работы за 2004 г. – Тверь: ТвГУ, 2005. – С.243-245.
5. Мещерякова Л.Я. Стиль «плетения словес» в агиографическом тексте: художественность или орнаментальность? // Язык и текст в парадигме науки и культуры. – Тверь: ТвГУ, 2005. – С. 79-86.
6. Мещерякова Л.Я. Житийные тексты в круге детского чтения // Детская литература и воспитание: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции «Детская литература и воспитание». – Тверь, 12-14 мая 2005 г. Тверь: ТвГУ, 2005. – С. 206-210.

7. Мещерякова Л.Я. Житийная литература в программах по христианскому образованию и воспитанию дошкольников и младших школьников (обзор программ) // Традиции и новации в профессиональной подготовке будущего педагога: Материалы научно-практической конференции студентов и преподавателей педагогического факультета по итогам научно-исследовательской работы за 2005 г. – Тверь: ТвГУ, 2006. – С. 278-281.
8. Мещерякова Л.Я. Житийные тексты в круге детского чтения: житие «Сергия Радонежского» (материалы в помощь учителю) // Родная словесность в школе и вузе: Межвузовский сборник научных трудов. – Тверь: ТвГУ, 2006. С.84-93.
9. Мещерякова Л.Я. Материалы в помощь учителю по изучению житийных текстов (к вопросу об особенностях стиля «плетения словес») // Духовно-нравственное воспитание: опыт, проблемы, перспективы. Сборник материалов научно-практической конференции. – Ч.1. – Тверь: ТОИУУ, 2007. – С. 34-43.
10. Мещерякова Л.Я. Куликовская битва в житийной литературе, входящей в круг детского чтения (статья) // Православная педагогика и православная культура: история, традиции и современность: Сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. – С.52-54.
11. Мещерякова Л.Я. Тверские жития в научном дискурсе // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Чтения имени профессора Сергея Александровича Леонова) 7-8 декабря 2007 года. – М.-Ярославль, 2007. – С.97-104.
12. Мещерякова Л.Я. Отражение традиций преподобнических агиографических текстов в тверской литературе (на материале жития Нила Столобенского) // Родная словесность в школе и в вузе: Межвуз. сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. – С. 84-93.
13. Мещерякова Л.Я. Агиографический текст в филологическом дискурсе // Слово. Выпуск 5. Сборник научных трудов студентов и аспирантов. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. – С. 3-9.
14. Мещерякова Л.Я. Типы житийных героев в тверской агиографии XVI-XVIII веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. №12(90). Гуманитарные науки. Литературоведение: Научный журнал. – СПб., 2009. – С.184-188. (Издание рекомендовано ВАК для публикации результатов диссертационных исследований).

Технический редактор А.В. Жильцов
Подписано в печать 02.02.2009. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 1,25. Тираж 100 экз. Заказ № 35.
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ: (4822) 35-60-63.

10 -